

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОЛЕНЕВОДСТВА КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОЛУОСТРОВА КАНИН В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

SPATIAL ORGANIZATION OF REINDEER HERDING OF THE NOMADIC POPULATION OF THE KANIN PENINSULA IN THE FIRST QUARTER OF THE TWENTIETH CENTURY

S. Kiselev

Annotation

In this paper, the spatial organization of reindeer breeding of nomadic nenets and komi-izhemtsi in the first quarter of the 20th century is considered. The organization of nomadism and the system of land using in reindeer husbandry are analyzed. The features in the land using of nenets and komi-izhemtsi in the first quarter of the 20th century, as well as the transformation of the industry in the 20th century, are revealed. Based on the study, the author makes a conclusion about the main factors that determined the spatial organization of reindeer breeding in the region.

Keywords: ethnology, traditional economy, reindeer herding, nenets, komi-izhemtsi, Kanin peninsula.

Киселев Станислав Борисович
Ст. преподаватель,
Санкт-Петербургский
государственный университет

Аннотация

В данной работе рассматривается пространственная организация оленеводства кочевых ненцев и коми-ижемцев в первой четверти XX века. Проанализированы организация кочевания и система землепользования в оленеводстве. Выявлены особенности в природопользовании ненцев и коми-ижемцев в первой четверти XX века, а также трансформация отрасли в XX веке. На основе проведенного исследования автором делается вывод об основных факторах, определивших пространственную организацию оленеводства в регионе.

Ключевые слова:

Этнология, традиционное природопользование, оленеводство, ненцы, коми-ижемцы, полуостров Канин.

Канинская тундра, располагающаяся на северо-западе Архангельской области, считается крайне западным районом массового расселения ненцев. Основными отраслями хозяйства канинских ненцев (как и ненцев других групп) является оленеводство, охота и рыболовство.

Помимо ненцев в Канинской тундре в настоящее время проживают коми-ижемцы, появление которых здесь относится к последним десятилетиям XIX столетия. Основной отраслью хозяйства коми-ижемцев на Европейском Севере уже в конце XVIII века было крупностадное товарное оленеводство с гораздо меньшим значением рыболовства и охоты по сравнению с системой хозяйства ненцев. Далее, на протяжении XIX века крупностадное оленеводство начинает развиваться и у ненцев, в том числе, под влиянием коми-ижемцев. Причем, такое влияние не обязательно могло идти в форме прямого заимствования – проникновение коми-ижемцев в тундру само по себе приводило к трансформациям в системе хозяйства европейских ненцев (нарушение традиционных путей кочевания, расширение возможностей для обмена и торговли и пр.) [19].

В хозяйственном отношении в первой четверти XX века кочевые ненцы и коми активно осваивали всю территорию полуострова Канин, доходя зимой до зоны северной мезенской тайги. Основные зимние пастбища оленеводов региона располагались на южном берегу Мезенской губы в бассейнах рек Сояна и Кулой, в бассейне реки Пёзы, а также в среднем течении рек Несь, Ома, Пеша [15, с. 220].

Оленеводство, как основа хозяйственной деятельности кочевых населения канинской тундры, к концу XIX – началу XX века по своему характеру являлось крупностадным с большой, в среднем, степенью товарности – продукция оленеводства (мясо, шкуры и пр.) находила сбыт в населенных пунктах севера Архангельской области. В среднем размер стад кочевников в регионе достигал 200–300 голов на хозяйство. К крупностадному типу оленеводства ненцев и коми-ижемцев Европейского Севера относит и А.В.Головнев [12]. Однако, при ближайшем рассмотрении, хозяйства оленеводов по числу оленей демонстрировали большое расслоение: от 10–15 голов на хозяйство у самых бедных до 1,5–2 тыс. у наиболее зажиточных оленеводов [18, с. 50]. Из этого

обстоятельства следует то, что ненцы и, хотя и в меньшей степени, коми-ижемцы полуострова Канин, сохраняя, в целом, крупностадный оленеводческий тип хозяйства, в региональном отношении распадались на ряд хозяйственно-локальных групп, отличаясь между собой размерами стад, а, следовательно, характером оленеводства и значимостью других видов деятельности (рыболовство, охота и пр.), что необходимо учитывать при исследовании хозяйства отдельных групп кочевых ненцев.

Состав стад у кочевого населения региона был также неодинаковым: у зажиточных ненцев и коми, хозяйство которых было ориентировано именно на оленеводство, в стаде было больше важенок (самок), что увеличивало приплод, а в стадах средних и мелких хозяйств, члены которых также активно занимались другими видами традиционного природопользования (рыболовство, охота и пр.) больший процент составляли кастрированные ездовые быки, которых запрягали в нарты. Наконец, существовала также самая бедная группа местного населения, хозяйство которых базировалось на охоте и рыболовстве, а оленей они держали как необходимую перевозочную силу – стада этой группы состояли практически исключительно из ездовых быков.

Численность оленей в стаде была непостоянной. Она увеличивалась после отела и уменьшалась после массового забоя, который обычно производился поздней осенью, когда олень давал максимальный деловой выход мяса.

В XIX – первой половине XX в., в традиционном северном оленеводстве существовала устойчивая система землепользования с постоянным или длительным закреплением пастбищ и маршрутов кочевания. Нарушения издавна установленных границ встречались крайне редко и предполагали определенные наказания [16, с. 88]. Однако на Европейском Севере России уже во второй половине XVIII века проникновение в тундры коми-ижемцев приводило к изменениям в традиционных маршрутах кочевания – пришлое население "выдавливало" ненцев на новые пастбища, которые в свою очередь теснили соседей, что приводило к эффекту "домино" и к изменениям в системе землепользования в целом.

Низшей единицей – землепользователем могла быть отдельная семья, но чаще стойбище – временное или длительное объединение 2–5 семей, т. е. 10–25 человек, как правило, связанных узами родства или свойства. Группа из 8–12 близко расположенных стойбищ (100 – 250 человек) составляла следующий социальный уровень. Семьи и стойбища оленеводов, кочующие в бассейне одной реки или тяготеющие к определенному центру – фактории (200–600 человек), образовывали группу более высокого уровня – обычно со своим самоназ-

ванием, локальным самосознанием и даже элементами внутриэтнического выделения [16, с. 88].

Оленеводство ненцев и коми полуострова Канин в первой трети XX века имело кочевой характер. Зимой большинство хозяйств проводило в лесной полосе в бассейне реки Мезень в среднем и нижнем ее течении. Можно выделить два основных района зимовок канинских оленеводов – район рек Сояна и Кулой, а также бассейн реки Пёзы. Эти территории относятся к зоне северной тайги с преобладанием здесь слабо облесенных верховых болот, на которых в изобилии растут лишайники и сфагнум, а также с предтундровыми редколесьями и разряженными североаажными лесами вдоль русел крупных рек [10, с. 36].

Небольшая часть кочевников оставалась севернее и кочевала в районе русских поселений на реках Вижас, Ома и Пеша [18, с. 53], где проживало оседлое промысловое население, занимающееся преимущественно охотой и рыболовством. В районе этих поселений проходит граница между лесотундрой и северной тайгой. Местный ландшафт характеризуется слабой облесенностью и обилием зеленомошных кустарниковых болот [10, с. 39].

В зимний период оленеводы совершали лишь незначительные перекочевки, попутно занимаясь охотой и заготовкой древесины для хозяйственных нужд.

Весной (примерно с марта) начиналась откочевка оленеводов на север и к июню–началу июля они достигали летних пастбищ на самом полуострове Канин в северной или центральной его части. Район "летовок" зависел от степени зажиточности оленевода: наиболее богатые из них уходили дальше на север, достигая побережья Баренцева моря. Это имело смысл, так как здесь олени меньше страдали от гнуса и оводов, что увеличивало "нагул" мяса и, соответственно, его выход при забое. Данную причину в качестве основного мотива перекочевки оленеводов к побережью выделяла Л.В.Хомич [18, с. 57]. Однако, как минимум столь же важным побудительным мотивом представляется поиск весенних пастбищ, которые в кормовом отношении удовлетворяли бы нужды оленеводства – сами особенности питания оленей делали наиболее выгодным именно уход на самый север полуострова. Зимой в питании оленей преобладают лишайники, летом – зеленая растительность (ягель в этот период составляет 15%–40% процентов пищи) [13, с. 21]. Соответственно, в их корме в течении года преобладают разные вещества. Можно сказать, что зимой они питаются сахаром (углеводы лишайников близки к сахарам), а летом – растительным мясом (в молодой зелени содержится много белков). Важная особенность годового баланса питания оленей – не накопив летом в организме белков, олени не смогут накопить жира.

В северных широтах, у моря лето наступает позже. Двигаясь на север к морскому побережью, олени продлевают начало лета дней на 20, значительно увеличивая время питания молодой зеленью. В этом смысл и необходимость миграций для северных оленей [11, с. 15]. Следовательно, те кочевые хозяйства, которые на летние пастбища уходили как можно дальше на север полуострова к морскому побережью, с наибольшей эффективностью и дольше всего окормливали пастбища с молодой зеленой растительностью, что увеличивало нагул жира оленями, а также влияло, из-за хорошей упитанности, и на другие показатели – снижение доли яловых самок, уменьшение процента гибели телят на следующий год и т.д.

Средние и мелкооленные хозяйства, которые значительный доход извлекали также от рыболовства, располагались на летовки южнее – в средней части полуострова, тяготея к богатым рыбой водоемам. Кроме этого, одним из вариантов организации кочевания было объединение стад средних и мелких хозяйств, когда часть оленеводов оставалась выпасать общее стадо, а часть уходило на рыболовецкий промысел. Кроме экономической выгоды, это было обусловлено рядом объективных факторов: 1) большие стада с численностью оленей около 1 тыс. голов легче окарауливать из-за чувства стадности, которое свойственно оленям [18, с. 56]; 2) большие стада были сильнее защищены от гнуса и оводов по сравнению с малыми [11, с. 96].

Кочевали в этот период обычно переходами по 10–15 км. Причем быстрее всего двигались к летним пастбищам богатые оленеводы, так как чем крупнее было стадо, тем непродолжительнее были стоянки на одном месте в связи с потребностью в новых пастбищах [18, с. 54].

Кроме этого, на пространственную организацию кочевания непосредственно оказывали влияние ключевые этапы годового цикла оленеводства: случка оленей (вторая половина сентября – начало октября), отел (апрель–май), забой (поздняя осень). Так, на период отела стада разделялись: важеньки отделялись от самцов и второгодних телят. Для отела выбирались места, защищенные от ветра, с невысоким снеговым покровом, часто по берегам речек. Для исследуемого региона наиболее выгодным районом для отела являлась территория южной части полуострова от реки Несь на юге до реки Чижа на севере, где максимальная высота снежного покрова достигала 40–50 см [10, с. 27], что было ниже по сравнению с более северными районами. В то же время отел в лесотундровой и северо-таежной полосе увеличивал потери среди новорожденных телят от хищников, так как те с большим успехом могли незаметно подобраться к стаду.

Во второй половине XX века на Европейском Севере России произошла трансформация традиционной сис-

темы землепользования. Был образован колхоз "Канин" с центром в селе Несь. Начало его фактической деятельности относится к 1 апреля 1930 года, а устав был принят 5 июня 1930 года [2, л. 101, 114]. В 1929 году в Канинской тундре был образован промысловый колхоз "Ненец", в который вошли 4 хозяйства, а в августе 1935 года хозяйства распавшегося колхоза вошли в товарищество "Октябрь" [1, л. 83–86]. 22 октября 1934 года в канинской тундре было образовано 4 новых товарищества: "Тато" ("Искра"), "Виль-Туй" ("Новая дорога"), "Октябрь", "Виль-Олем" ("Новая жизнь") [3, л. 27–29; 4, л. 73–75]. В 1936 году на Канине было образовано еще 3 товарищества: "Нарьяна-Ханяна" (15 хозяйств), "Нарьяна-Вындер" (14 хозяйств) и "Кий" (13 хозяйств). Всего на 1 января 1937 года в Канинской тундре было объединено 103 хозяйства из 232 [5, л. 30]. В 1939 году ТСВО (Товарищество по совместному выпасу оленей) "Ким" и "Нарьяна-Вындер" объединились в один колхоз, которому дали название "им. Чкалова". В нем, как и в образованных ранее артелях произошло объединение оленей. Также в 1939 году было проведено объединение артелей "Вильодем" и "Октябрь" в один колхоз, которому в начале дали название "Октябрь", а потом он был переименован в колхоз "им. Ленина" [6, л. 193–196]. В том же году подобное объединение провели товарищества "Тато" и "Виль-Туй" – новый колхоз получил название "Северный полюс" [6, л. 212–218]. После ряда преобразований, в 1960 году на общем собрании колхозников было принято решение об объединении колхозов "Красный промышленник", "Канин", "им. Ленина", "Северный полюс" в один колхоз "Северный полюс" [7, л. 23], который в свою очередь в 1990-х годах был преобразован в СХПК "Община "Канин". Также в настоящее время в регионе осуществляет свою деятельность СПК "Восход" с центром в с. Ома, чьи пастбища располагаются вдоль западного берега Чешской губы.

К настоящему времени в регионе отсутствует частное оленеводство, а все земли закреплены за сельскохозяйственными промысловыми кооперативами (СПК). Низшей единицей землепользования является уже оленеводческая бригада, за которой закреплены пастбища и маршруты кочевания. Количество семей, составляющих оленеводческую бригаду обычно колеблется от 3 до 6. Причем такие показатели характерны для всего региона. Так, например, в состав СПК "Индига" (Тиманская тундра НАО) входят 5 бригад, в которых работает 29 оленеводов (3–4 семьи на одну бригаду) [8]. В состав СПК "Дружба народов" (северо-восточная часть Большеземельской тундры и о-в Вайгач) входят 6 бригад, в которых работает 38 оленеводов (4–5 семей на одну бригаду) [9]. Т.е. несмотря на реорганизацию отрасли, количественный состав стойбища изменился очень мало: от 2–6 семей при частном оленеводстве до 3–6 при общинном или кооперативном, что продиктовано, прежде всего, нуждами самого оленеводческого хозяйства.

Следующий социальный уровень в настоящее время составляют группы оленеводческих бригад, относящихся к одному СПК или общине: выделенные регионы кочевания, частые переходы из бригады в бригаду, заключенные браки внутри такой группы бригад, тяготение к нескольким поселкам на территории кочевания, куда часто уходят жить представители старшего поколения, все это создает условия для формирования относительно замкнутых групп оленеводов [14].

Рассматривая условия, которые влияли на формирование системы хозяйства кочевого населения полуострова Канин нельзя ограничиваться исключительно естественно-географическими факторами. На его формирование напрямую влияло и социальное окружение, т.е. в данном случае речь идет о преимущественно русских поселках севера Архангельской губернии. Население таких поселков, с одной стороны, в XIX веке все более активно начинало конкурировать с оленеводами за наиболее продуктивные места промысла. Прежде всего это касается рыболовства. С другой стороны, между кочевым и оседлым населением региона в рассматриваемый период уже существовала устойчивая сеть экономических связей. Это касается продажи коми и ненцами продукции своего хозяйства в таких деревнях, закупки промыслового инвентаря, продуктов питания и т.д. Значение такого соседства иллюстрирует хотя бы то, что оленеводы, выбирая место для зимних пастбищ учитывали также и желательную близость их к населенному пункту. То есть можно сказать, что взаимодействие русских промысловиков с оленеводами влияло не только на экономику кочевых хозяйств, но и на пространственную организацию оленеводства и промыслов, в той или иной степени затрагивая все стороны жизни ненцев и коми.

Населенные пункты региона располагаются по берегам рек и практически отсутствуют на водоразделах. Для южной части рассматриваемого региона (деревни по рекам Мезень, Пёза, Кулой) характерно значительная их плотность, которые располагались на расстоянии 3–7 км друг от друга. Такие населенные пункты характеризовались относительно большим количеством населения.

Деревни к северу от г. Мезень по рекам Ома, Вижас, Несь также были расположены непосредственно по берегам этих рек. Однако в данном случае количество относительно крупных населенных пунктов было невелико. Обычно на реке, часто в нижнем течении недалеко от устья, располагалась одна деревня, от которой в нескольких километрах выше и ниже по течению располагались выселки, тяготеющие к деревне как к центру конкретного района.

В целом, можно выделить несколько групп населенных пунктов, которые оказывали влияние на кочевание оленеводов: 1. Мезенская группа, в которую входил г.

Мезень, а также деревни, расположенные по реке Мезени с южной границей группы в районе села Козьмогородское. Территории выше по течению р. Мезень уже практически не включались в пространственную организацию кочевого оленеводческого хозяйства. Всего в эту группу входило 16 населенных пунктов с общей численностью сельского населения 4546 человек, а вместе с жителями г. Мезень – 6744 чел.; 2. Юго-Западная группа, в которую входили деревни Долгощельской и Койденской волостей (с. Долгая Щель, д. Сояна, выс. Нижский; выс. Ануфриевский, деревни Койда, Майда, Мегра). Географически эта группа населенных пунктов расположена по реке Койда, по нижнему течению рек Сояна и Мегра. Всего в указанном районе было расположено 7 населенных пунктов с общей численностью жителей 2486 чел.; 3. Юго-Восточная группа, в которую входили населенные пункты Дорогорской волости, расположенные по р. Пёзе. Всего таких деревень насчитывается 12 шт., в которых проживало 1411 чел.; 4. Северо-Восточная группа населенных пунктов, расположенных по рекам Ома и Вижас с одноименными деревнями и выселками вокруг них. Всего в нее входили 9 населенных пунктов с 291 чел. постоянного населения; 5. Северная группа с 3 деревнями (Несь Мгла и Семжа), в которых насчитывалось 541 чел. [17].

В отношении влияния деревень региона на пространственную организацию кочевания коми и ненцев полуострова Канин можно выделить ряд обстоятельств: 1. Северная группа находилась в районе путей кочевания оленеводов при движении с летних пастбищ на зимние и обратно. Деревни Мгла, Семжа и, в особенности, Несь использовались кочевым населением как места закупки и сбыта товаров. То же обстоятельство играло ключевую роль при выборе этих территорий в качестве зимовок несколькими кочевыми хозяйствами; 2. Территории в районе северо-восточной группы населенных пунктов также использовались оленеводами как зимние пастбища. Деревни в районе рек Ома и Вижас, как и в предыдущем случае, играли роль экономических центров для кочевников; 3. Деревни Юго-Восточной, Юго-Западной и Мезенской групп формировали южную границу маршрутов кочевания канинских оленеводов. Деревни, расположенные в районе зимних пастбищ также были центрами сбыта и закупки необходимых оленеводам товаров. Кроме этого, нужно отметить, что центральная Мезенская группа представляла собой региональный центр, отличавшийся большой плотностью расположения населенных пунктов и сравнительно большой плотностью населения, что осложняло выпас оленей в этом районе (большая степень конкуренции за ресурсы со стороны оседлого населения, увеличенный фактор беспокойства для оленей и т.д.). В силу указанных причин район вокруг деревень Мезенской группы как бы разделял пути миграции оленеводов на два направления – подходя к зимним пастбищам часть коми и ненцев уходила на запад в

сторону юго-западной группы, а часть на восток к юго-восточной группе населенных пунктов.

Подводя итог, можно сказать, что влияние населенных пунктов южной части полуострова Канин и севера Архангельской области было двояким: с одной стороны, такие деревни выполняли роль экономических центров, где оленеводы покупали и сбывали товары, что обуславливало определенную степень тяготения оленеводов к русским деревням. С другой стороны, районы с наибольшей плотностью оседлого населения выполняли роль буфера для кочевников, ограничивая возможности для ведения кочевого хозяйства и заставляя смещать пути кочевания в другие районы.

Таким образом, хозяйство кочевых ненцев и коми-

ижемцев полуострова Канин в первой четверти XX века представляло собой сложную систему, куда входило оленеводство, как основной вид деятельности, а также охота, рыболовство и собирательство, значение которых также было достаточно высоким. Однако в этот период в хозяйственном отношении оленеводы не представляли из себя единство – уже выделились локальные типы систем кочевого жизнеобеспечения, отличающиеся между собой разной степенью значимости отдельных видов хозяйства. Факторами, определяющими стратегию освоения пространства разными группами кочевников были: естественные природно-географические условия, хозяйственная ориентация, а также степень "товарности" хозяйственной деятельности, от чего зависела степень тяготения отдельных семей к русским селам северной тайги и лесотундры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Ненецкого автономного округа (далее ГАНАО). Фонд 1, опись 1, дело № 79.
2. ГАНАО. Фонд 8, опись 1, дело № 13.
3. ГАНАО. Фонд 83, опись 1, дело № 40.
4. ГАНАО. Фонд 151, опись 1, дело № 4.
5. ГАНАО. Фонд 151, опись 1, дело № 24.
6. ГАНАО. Фонд 151, опись 1, дело № 76.
7. ГАНАО. Фонд 226, опись 1, дело № 11.
8. Информационное письмо СПК "Инди́га" о количестве оленеводов на 01.07.2016.
9. Полевые материалы автора. Полевые исследования в пос. Каратайка (Ненецкий автономный округ). Август 2012.
10. Атлас Архангельской области. М., 1976. 72 с.
11. Баскин Л.М. Северный олень. Управление поведением и популяциями. М., 2009. 281 с.
12. Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. 204 с.
13. Квашнин Ю.Н. Ненецкое оленеводство в XX–начале XXI века. Тюмень–Салехард, 2009. 168 с.
14. Киселев С.Б. Кочевое оленеводство канинских ненцев: что изменилось за 80 лет. Сравнительный анализ систем хозяйства оленеводов полуострова Канин в 1920–е и 2000–е годы // Приполярная перепись 1926/27 на Европейском Севере. СПб., 2010. С. 301–317.
15. Клоков К.Б. Основные группы населения и типы природопользования на севере Архангельской губернии и автономной области Коми в 1920–е годы // Приполярная перепись 1926–27 на Европейском Севере. Архангельская губерния и автономная область Коми. СПб., 2010. С. 216–236.
16. Крупник И.И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989. 268 с.
17. Список населенных мест Архангельской губернии к 1905 г. Архангельск, 1907. 131 с.
18. Хомич Л.В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.–Л., 1966. 327 с.
19. Istomin K.V. Komi reindeer breeding, its history and present conditions from the viewpoint of the ethnoecological approach. Tartu, 2001. 186 p.

© С.Б. Киселев, (stak0607@list.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ

негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования

Реклама

Традиции. Инновации. Успех!

И МИБО